

На правах рукописи

Платонов Дмитрий Сергеевич

**РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС 1917 Г. В ИСТОРИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Омск – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный педагогический университет» на кафедре отечественной истории

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
Чуркин Михаил Константинович

Официальные оппоненты:

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

Худолеев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», кафедра истории России

Защита диссертации состоится «02» июня 2023 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета 99.2.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел);
<https://omgpu.ru/dissertations/9507>

Автореферат разослан «__»_____2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат исторических наук

И. И. Кротт

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Революция 1917 г. является одним из ключевых и поворотных событий не только истории XX в., но и всего периода отечественной истории, поскольку представляет многоплановое явление, включающее в себя разные компоненты: собственно исторические, политические, социальные, культурные, психологические, философские, религиозные и др. Во многом по этой причине осмысление революции представителями разных социальных слоев и профессий началось сразу же после ее осуществления не только у нас в стране, но и за рубежом, и не угасает до сих пор.

За последние двадцать лет в научном сообществе наблюдается повышенное внимание к рассмотрению и изучению предреволюционной и революционной эпохи, а также феномена русского зарубежья: проводятся научные конференции¹, издаются статьи², выходят в свет монографии³, защищаются диссертации⁴. Кроме того, в современной историографии идет процесс переосмысления кризисных явлений прошлого, и 1917 год в целом не является исключением.

Однако любое историческое событие представляет собой уникальное и неповторимое явление, которое невозможно изучать непосредственно в режиме реального времени. В этой связи большую роль играет то, как авторы в своих работах создавали образ прошлого. На формирование той или иной модели минувших дней могут влиять многие факторы: время написания труда, личностный склад автора, внутривосточная ситуация в стране и т.д., вследствие чего образ прошлого в разные исторические эпохи приобретает

¹ Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. трудов / Отв. Ред. А.Б. Николаев. Спб., 2021. Захаров А.А. Революция 1917 г. в оценках евразийцев // Октябрьская революция и ее место в истории XX века: труды научно-практической конференции. Томск, 2000. С. 38-43.

² Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблема отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. Спб., 2008. С. 498-518.

³ Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914-1917 гг. Спб., 2022. Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2016; Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. М., 2009; Базанов П.Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917-1939 гг.). Спб., 2015.

⁴ Гогохия Е.А. Русская революция 1917 года в идейно-политическом наследии евразийцев (1921-1931 гг.): дис...к.и.н. М., 1999; Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милокува: дис...к.и.н. М., 2005; Якубовская Е.В. Февральская революция 1917 года в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920-1930-х гг.: дис...к.и.н. М., 2011. и др.

всевозможные конфигурации. Таким образом, **проблемой** диссертационного исследования является опыт конструирования интеллектуальных моделей революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции межвоенного периода.

Степень научной разработки темы. Исследования по революции 1917 г. начались уже в 20-30-х гг. прошлого столетия и продолжались на протяжении всего периода существования Советского Союза. За это время революционный процесс был рассмотрен авторами с разных точек зрения. Новизна этих работ, преимущественно, достигалась за счет привлечения новых исторических источников, более детальной разработки отдельных тем (например, политической линии Временного правительства, процесса привлечения партией большевиков армии на свою сторону и др.), а также изучения схожих исторических процессов в разных регионах страны. Однако классовый подход, лежащий в их основе, предопределил основные выводы трудов: народный характер революции и ее закономерность, буржуазный характер Февраля и социалистический – Октября, высоко оценивалась роль пролетариата в революционном процессе, руководимого партией большевиков.

Современная российская историография по революции 1917 г. характеризуется, как наличием традиционных направлений исследований, так и существованием новых подходов. Как и прежде революционный процесс рассматривается через призму наиболее ярких персон, политических партий и социально-политических институтов⁵. Новизна этих трудов достигается уже не только за счет привлечения новых исторических источников, но и посредством всестороннего изучения деятелей отечественной истории и деятельности

⁵ Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М.: Наука, 1997; Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март-июль 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017; Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и Временное Правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. Спб., 2011. С. 70-81. Злоказов Г.И. Меншевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: «АИРО-XX», 1998; Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М, 1997. С. 145-159. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // Там же. С. 79-94. Смирнова А.А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале-мае 1917 года. Спб.: СПб ГУКИ, 2005 и др.

различных учреждений, а также в оригинальности суждений и новой постановки проблемы.

В тоже время, после распада Советского Союза и изменения внутривластной ситуации современная российская историография по революции 1917 г. вышла на качественно новый уровень. Во-первых, отказ от прежних марксистско-ленинских схем заставил переосмыслить мятежные события тех лет. Это нашло отражение, в частности, в том, что произошел пересмотр соотношения центральных эпизодов революционного процесса 1917 г. – Февраля и Октября⁶, а также в более детальном изучении событий, лежащих между этими двумя этапами революции⁷. Кроме того, революционные события всё чаще рассматриваются исследователями в широких хронологических рамках, от начала Первой мировой войны до событий, включающих в себя период Гражданской войны, а сама революция изучается как явление, которому был свойственен долгий подготовительный процесс.

Во-вторых, применение современных теоретико-методологических подходов к переломному моменту отечественной истории существенно разнообразило революционный процесс, открыв в нем новые грани. Так, влияние микроистории и истории повседневности нашло свое отражение в более детальном изучении небольших эпизодов коллапса 1917 г.⁸, в деятельности различных социальных институтов⁹, в исследовании схожих процессов и

⁶ Волобуев П.Б. Исторические корни Октябрьской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб.: Глагол, 1994. С. 37-47; Марченя П.П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст.* М.: ООО «АПР», 2012. С. 194-219; Коваленко В.И. Дилемма «Февраль-Октябрь»: была ли она? // *100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации*. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 46-54; Воейков М.И. Русская революция: одна или две? // *Там же*. С. 55-66 и др.

⁷ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля-октября 1917 года. Структуры, персонажи. М., 2015. Коваленко В.И. От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса // *Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков*. М., 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018.

⁸ Румянцев А.Г. События 25 февраля 1917 года на Литейном мосту // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб.ст.* СПб., 2016. С. 14-20; Николаев А.Б. Как комендант К.Ф. Греков и комиссар А.А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля - 1 марта 1917 г.) // *Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии*. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 305-315; Бажанов Д.А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. СПб., 2014. С. 146-155 и др.

⁹ Колышницина Н.В. Петроградский историко-филологический институт в 1917 г. // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. СПб., 2014. С. 110-120; Гордеев П.Н. Февральская революция в московских

революционных действий на периферии¹⁰. И если раньше рассмотрение исторических событий 1917 г. в отдельных уголках России было призвано продемонстрировать однородность общего вектора развития революционных процессов, то в настоящее время подобный подход чаще всего выявляет специфику протекания исторических явлений в том или ином регионе.

Применение методов психоистории, социологии и культурологии к изучению революции 1917 г. позволило рассмотреть проблему восприятия этих событий сразу в двух плоскостях. С одной стороны, ученые предприняли попытку проследить, как революционные деяния ощущались отдельными лицами и различными социальными группами¹¹, переместив изучение революции из плоскости политической в плоскость антропологическую. С другой стороны, под влиянием интеллектуальной истории у деятелей науки появилась возможность перейти к исследованию политической культуры революции, политическому сознанию и революционной культуре российского общества. Это дало возможность сфокусировать внимание на анализе различных идей и лозунгов, символов и ритуалов 1917 года, следовательно, произошел поворот в направлении изучения семантического поля революции.

Отдельный пласт работ посвящен исследованию русского зарубежья, современная историография которого всё чаще рассматривает представителя русской эмиграции в неразрывной связи с той культурной средой, в рамках которой он формировался. Таким образом, можно говорить о том, что в последнее время многие социальные процессы, происходившие в русском зарубежье,

императорских театрах // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб., 2014. С. 120-146; Мусаев В.И. Православная церковь на окраинах России в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб., 2014. С. 164-172; Гордеев П.Н. Петроградское театральное училище в марте-августе 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб., 2016. С. 53-68 и др.

¹⁰ Герасименко Г.А. Политическое положение Саратовской деревни в октябрьские дни // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 159-173; Возгрин В.Е. Февральская революция в Крыму и национальная ситуация в феврале-октябре 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб., 2009. С. 65-81; Сапон В.П. Партийный «ландшафт» Нижегородской губернии после Февральской революции (март-апрель 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб. ст. Спб., 2016. С. 91-97; Сапон В.П. Нижегородские эсеры осенью 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб., 2014. С. 186-196 и др.

¹¹ Хуциева В.В. События февраля 1917 г. глазами петроградского гимназиста // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Отв.ред. и сост. А.В. Николаев. Спб., 2009. С. 38-43; Смирнова А.М. Первые дни Февральской революции в восприятии петроградской интеллигенции // 90 лет Февральской революции. Сб. ст. / Отв.ред. и сост. А.Б. Николаев. Спб., 2007. С. 16-20;

интерпретируются через призму культуры, где большую роль играют система представлений, ценностные ориентиры, различные способы культурной коммуникации. В этой связи немаловажное значение приобрел не только культурологический анализ, с помощью которого стали изучаться многие объекты исследования¹², но и все то, что связано с анализом интеллектуального пространства русской эмиграции – нередко в центре внимания ученых находятся различные дискурсы, символы, мифы¹³.

Подводя итог степени изученности темы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день достаточно хорошо изучены революционные события 1917 г. в тесной связи с культурно-идеологическими течениями и политическими пристрастиями представителей русского зарубежья; революция 1917 г. рассмотрена в интерпретации отдельно взятой личности с богатым привлечением архивного материала. Персональный подход к революции 1917 г. позволил выделить индивидуальную концепцию ученого, оценить вклад историков и философов в развитие как отечественной, так и мировой науки.

Однако историография революции 1917 г. имеет определенные диспропорции в области изучения отдельных тем и проблем. В частности, в работах исследователей широко представлены микротемы, связанные, преимущественно, с Февралем и Октябрем 1917 г., но довольно слабо нашел отражения период с марта по октябрь 1917 г. Кроме того, революция 1917 г. не всегда рассматривалась историками с точки зрения революционного процесса, который, в тоже время, являлся бы составной частью отечественной истории.

Стоит также отметить, что до сих пор нет крупных обобщающих исследовательских трудов, которые изучали революционный процесс 1917 г.

¹² Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016; Колобова Ю.И. «Русский мир» в изгнании: П.П. Сувчинский. Киров, 2016; Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ. Чита, 2017.

¹³ Демидова О.Р. Миф как феномен (само)сознания русской эмиграции // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Таллинн, 2012. С. 13-26; Кантор В.К. Семен Франк и крушение кумиров: переосмысление мифов русской интеллигенции в эмиграции первой волны // Там же. С. 28-48; Волошина В.Ю. Личностные коммуникации как фактор социально-психологической адаптации российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е гг. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы. М., 2016. С. 207-220; Ковальчук А.М. Реклама русского зарубежья в Китае (1917-1939 гг.) – фактор сохранения и развития русской культуры в дискурсе «Запад-Восток». Хабаровск, 2016.

через призму специфики формирования и особенностей конструирования определенных интеллектуальных моделей прошлого, одновременно привлекая для раскрытия темы работы авторов различных политических воззрений, социальных слоев и профессиональной ориентации, опубликованных в разных центрах русской эмиграции. Между тем, в последнее время историки все чаще склонны изучать объекты исследования, используя наработки в области культурной антропологии и интеллектуальной истории, где в центре внимания ученых оказывается все то, что связано с анализом семантики, сознания и дискурса, поэтому можно говорить о наличии определенной тенденции в рассмотрении событий революции 1917 г. под таким углом зрения.

Объект диссертационного исследования – коммуникативное пространство историографии русского зарубежья межвоенного периода.

Предмет диссертационного исследования – революционный процесс 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья.

Цель работы заключается в деконструкции интеллектуальных моделей революционного процесса 1917 г. и в выявлении специфики его содержания в историческом дискурсе русской эмиграции межвоенного периода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить представления русской эмиграции межвоенного периода о причинах революции 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья;

2. Определить проблемные поля и сущностные характеристики революционного процесса с марта по октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русской эмиграции;

3. Раскрыть содержательные параметры событий Февраля и Октября 1917 г. в трудах историков русского зарубежья.

Хронологические рамки исследования охватывают, преимущественно, межвоенный период (1918-1939 гг.), т.е. тогда, когда происходило формирование, становление и развитие исторического дискурса. Нижняя граница периода объясняется тем, что после разгона Учредительного Собрания и начала гражданской войны в России началась массовая эмиграция людей, не принявших

теоретические взгляды и практические действия большевиков. Верхняя граница исследуемого периода выбрана в работе потому, что осмысление революции 1917 г. русской эмиграцией, в целом, подошло к концу: перестали издаваться многие эмигрантские газеты и журналы (сказывались материальные трудности и общеисторическая ситуация в мире); некоторые ученые умерли до или во время Второй мировой войны. К тому же Вторая мировая война, изменившая до неузнаваемости как сам мир, так и мировоззрение большинства людей, заставила взглянуть по-иному на исторический процесс, поставив и открыв уже перед новым поколением исследователей другие проблемные поля.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили наработки, лежащие в области интеллектуальной истории, которая, по мере своего развития, эволюционировала в сторону тесной взаимосвязи анализа идей с их средой, в которой изучаемые идеи рождались, трансформировались, транслировались, угасали. И в этой связи тема диссертационного исследования, находящаяся в русле интеллектуальной истории, предполагает применение некоторых программных принципов интеллектуальной истории, выработанных А. Лавджоем («Великая цепь бытия»¹⁴) и П. Уинчем («Идея социальной науки»¹⁵). Стоит выделить следующие их положения:

1. Каждая концепция представляет собой набор элементарных идей, которые необходимо вычлениить из текста.

2. Немаловажную роль играет то, как идея преподносится обществу, как и во что она затем трансформируется.

3. Большое значение имеет контекст, в рамках которого была создана определенная идея, и шире – концепция.

Лингвистический поворот в историографии, под влиянием которого изменилась роль самого языка в историческом познании, в связи с чем дискурс-анализ как «метод интерпретации исторических источников, включающий

¹⁴ Лавджой А. Великая цепь бытия: история идей / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

¹⁵ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, XXI, 1996.

выявление дискурсов внутри одного источника на основе выделения общей темы, терминологии, места в смысловом поле; интерпретацию взаимосвязей различных значений дискурса и конкретных символов в текстах, их эволюции в течение определенного исторического периода»¹⁶ приобрел особую значимость. В данном случае под дискурсом понимается способ коммуникации, выраженный в текстовой форме, с помощью которого создается определенная модель прошлого. Теоретической базой исследования стали положения Э. Лакло и Ш. Муфф («Гегемония и социалистическая стратегия»¹⁷) и идеи критического дискурс-анализа Н. Фэркло («Критический дискурс-анализ»¹⁸). В основу исследования легли их следующие принципы:

1. Любые объекты приобретают смысл только в дискурсе.
2. Дискурс конструирует реальность с помощью значений.
3. Дискурсов много, и они вовлечены в борьбу за доминирование, пытаюсь зафиксировать то или иное значение, следовательно, сам дискурс постоянно принимает различные конфигурации.
4. В каждом дискурсе важна интертекстуальность, с помощью которой происходит комбинирование различных элементов, заимствованных из других дискурсов.

Кроме вышеуказанных методов в диссертации применяются также общеисторические методы исследования, среди которых можно отметить: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Историко-генетический метод позволил продемонстрировать историю складывания и эволюцию, как самого дискурса русского зарубежья межвоенного периода, так и основных компонентов революционного процесса 1917 года.

Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить взгляды представителей русского зарубежья на революционный процесс 1917 года, что позволило выявить общее и особенное в оценках и интерпретации этого события.

¹⁶ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С.92-93.

¹⁷ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialistic Strategy. London: Verso, 1985.

¹⁸ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Boston: Addison Wesley Publishing Company, 1995

Историко-системный метод был применен в исследовании для изучения революционного процесса 1917 года и самого дискурса как целостной системы. Анализ факторов, влияющих на дискурс, а также трансформация самих значений позволили выявить механизм создания интеллектуальных моделей революционного процесса 1917 года и определить этапы исторического дискурса русского зарубежья межвоенного периода.

В источниковую базу диссертации вошли как труды выдающихся персон русского зарубежья, так и работы менее известных представителей русской эмиграции, напечатанные в периодических изданиях. Размах революционных событий в стране породил несколько волн русской эмиграции, захлестнувших самые разные слои российского общества, что отразилось на пестроте социально-профессиональной структуры адресатов и адресантов русского зарубежья. Среди адресантов можно выделить труды историков (П.Н. Милюков, С.П. Мельгунов, С.С. Ольденбург, И.П. Якобий, В.А. Мякотин), философов (Г.П. Федотов, С.Л. Франк, И.А. Ильин, А.В. Карташев и др.), политических деятелей (П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, В.М. Чернов, Ф.И. Дан, Г.Е. Львов, Д.Н. Святополк-Мирский, Н.Е. Марков), персон, относящихся к военным кругам (М.К. Дитерихс, В.Е. Вязьмитинов, Н.Н. Головин, В.И. Назанский, П.П. Петров), а также работы представителей научной и творческой интеллигенции разной политической направленности.

Ценность большинства крупных работ состоит в том, что в них представлена в полном виде концепция не только Февраля и Октября 1917 г., но и революционного процесса в целом, а также дана характеристика пореформенной и предреволюционной России. Широкий спектр статей из периодических изданий, не всегда напрямую связанных с революцией 1917 г., и курсы лекций дополняют и уточняют некоторые составляющие исторических построений авторов, что дает возможность представить исторический дискурс полнее и богаче. Для раскрытия темы диссертационного исследования привлекаются опубликованные историографические источники, поскольку функцию

общественной коммуникации выполняют именно они. При этом стоит отметить, что многие из них вводятся в научный оборот впервые.

Привлечение для исследования темы материалов периодической печати обусловлено разными причинами. С одной стороны, ее исключительно видовыми особенностями: она призвана выражать интересы различных социально-политических сил и способна формировать общественное мнение. С другой стороны, временем создания и условиями написания работ. В этой связи показательно справедливое и меткое замечание М.Г. Вандалковской: «эмоциональное восприятие происходящего отличалось определенной напряженностью и остротой. Эта, в известном смысле стрессовая, ситуация создавала особую почву для умственной деятельности... Шел процесс интенсификации творческой мысли, характерный для кризисных и нестандартных ситуаций. Именно поэтому малые формы исторических сочинений, которые создавались эмигрантами..., отличались глубоким содержанием и большой насыщенностью идей. Часто та или иная статья эмигрантского ученого по своей научной значимости, новизне высказанных мыслей, неординарному подходу к теме, выразительным сопоставлениям и яркой подаче материала вносила вклад в науку, сравнимый с монографическим исследованием»¹⁹.

Для раскрытия темы привлекались работы из периодических изданий различной идейной и политической направленности (Дело труда, Анархический вестник, Двуглавый орел, Революционная Россия, Знамя борьбы, Пробуждение, Русская летопись, Рабочий путь, Современные записки, Волна, Русская мысль, Луч света, Новая Россия, Грядущая Россия, Последние новости и др.).

Анализируемые в диссертационном исследовании тексты трудов эмигрантов были опубликованы в крупных историко-культурных центрах русского зарубежья: Париж, Прага, Берлин, Константинополь, Нью-Йорк, Харбин и др. Широкие географические рамки исследования обусловлены, в первую очередь, распыленностью русской эмиграции после событий 1917 г. Привлечение в диссертационном исследовании работ, изданных в самых разных уголках

¹⁹ Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. М., 2009. С.6.

земного шара, позволяет не только полнее представить сам исторический дискурс, но и более аргументировано выявить его закономерности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Революционный процесс 1917 г., нашедший отражение в работах авторов русского зарубежья межвоенного периода, существовал в форме дискурса, как одного из способов коммуникации и репрезентации представлений сообщества, конструирующего историческую реальность. Сам исторический дискурс зарождался, бытовал и развивался через борьбу различных значений, что способствовало его усложнению и расширению.

2. Своеобразие моделей прошлого зависело от ряда факторов. Одним из них выступали политические пристрастия и идейные течения, к которым относился тот или иной автор. Так, большинство персон русского зарубежья признавало наличие двоевластия в России в период с февраля по октябрь 1917 г. Однако борьба двух институтов власти – Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов – была показана только у кадетов. Остальные представители русской диаспоры, как левые, так и правые авторы отказывались признавать борьбу между этими двумя учреждениями.

Другим фактором выступала сословная принадлежность и / или профессиональная среда, из которой происходил автор. Так, представители, вышедшие из военной среды, в качестве обстоятельств разложения армии в период с марта по октябрь 1917 г. называли негативное воздействие приказа №1 на вооруженные силы России, подрывную работу большевиков и деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в их трудах подчеркивалась подлость А.Ф. Керенского в отношении Л.Г. Корнилова, а также чистота и искренность намерений последнего, а слабость правительственной власти была тем фоном, на котором разворачивалась трагедия вооруженных сил страны.

Еще одним фактором можно считать влияние эмигрантского центра, которое проявлялось как в проработке определенной микротемы и выявлении новых проблемных полей, так и в создании нарративной модели прошлого, включающей в себя иной способ подачи материала, отличный от другого центра

русского зарубежья. Так, в Константинополе в 1921 г. возникла проблема периодизации революционного процесса. В Праге же наиболее остро возник вопрос о правомерности соотнесения революционного процесса 1917 г. со «смутой», который обсуждался представителями русского зарубежья на страницах журнала «Русская мысль» в 1920-ые гг.

3. Формирование и усложнение представлений авторов русского зарубежья о февральских и октябрьских событиях 1917 г. наиболее предметно репрезентировалось в дискурсе межвоенного периода (1918-1930-е гг.). На *первом этапе* (1918 - начало 1920-х гг.), хронологическая близость революционных событий во многом определила высокий градус эмоциональности в оценке событий 1917 г. Работы, посвящённые им, не выстраивались в форму отчётливого исторического нарратива, носили фрагментарный характер.

Однако отличительной чертой на данном этапе научной рефлексии стало то, что в трудах авторов русского зарубежья была поставлена проблема виновности, как в наступлении Февраля 1917 г., так и в появлении тех сил, которые способствовали разложению фронта, приближению событий Октября 1917 г., углублению революционного процесса и т.д. Однозначного решения эта проблема не нашла, но авторами был очерчен круг лиц и сообществ, потенциально ответственных за катастрофическое развитие событий в 1917 г.

На *втором этапе* развития дискурса (начало 1920-х - середина 1920-х гг.) происходит движение от констатации авторской позиции по тому или иному вопросу и постановки проблемы к ее исследованию, позволившему перейти к анализу и интерпретации исторических фактов, что способствовало формированию новых выводов, которые стали выстраиваться в исторический нарратив. Для данного этапа развития дискурса характерен переход от констатации значений к их осмыслению: от фиксации языковых знаков к интерпретации событий революций 1917 г. как части исторического процесса. С другой стороны, начинается более детальная разработка отдельных проблем и выдвижение новых. Если на первом этапе формирования дискурса по проблеме обоснованности революции 1917 г. представителями русского зарубежья лишь

констатировалось наличие противоречий в общем ходе развития Российской империи, и был определен «узловой» момент, от правильного решения которого зависело бы будущее страны (в частности, эпоха дворцовых переворотов у П.Б. Струве), то на втором этапе произошло очевидное смещение акцентов к установлению причинно-следственных связей между революционными событиями февраля и октября 1917 г. и знаковыми сюжетами эпохи Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., что предопределило разработку таких микротем, как роль земств в политической истории страны, положение крестьян до и после реформы 1861 г., необходимость или бесполезность для Российской империи конституции и др.

Третий этап развития дискурса (конец 1920-х гг. - 1930-е гг.) шел по двум направлениям. С одной стороны, он характеризуется еще большей проработкой определенных микротем и добавлением в повествовательные модели прошлого новых эпизодов, выполняющих политическую функцию. Так, представители монархической линии 1930-х гг. в трактовке революционных и предреволюционных событий февраля 1917 г. группировали факты, выстраивая их вокруг фигуры Николая II. И если в 1920-ые гг. в центре внимания исследователей русского зарубежья располагался лишь облик царя как российского самодержца, то на третьем этапе развития дискурса представители русской эмиграции, относящиеся к правому крылу, смогли выстроить целостный и объемный образ императора, который складывался из нескольких составляющих: развернутый портрет царя, система действий и отношений правителя к людям и событиям, привлечение фактографического материала, рассмотрение фигуры императора и его семьи в тесной связи с политическим режимом и формой правления, в которых ему приходилось действовать. Это предопределило в работах авторов наличие как старых микротем (деятельность Распутина и Александры Федоровны, министерская чехарда), так и новых (смена верховного главнокомандующего в 1915 г.). И если правые с помощью этой микротемы стремились доказать, что принятие Николаем II должности верховного главнокомандующего не вызвало отрицательных последствий, то

левые представители демонстрировали падение духа армии, что привело впоследствии к крупным поражениям на фронтах Первой мировой войны в 1915 г.

С другой стороны, приверженность и следование историческим фактам стали отличительной чертой третьего этапа дискурса. Сам «факт» понимался русской диаспорой двояко. В одном случае, под фактом подразумевалось суждение, не требующее доказательств, сводящееся, чаще всего, к набору значений, уже устоявшихся у определенной группы русского зарубежья, вследствие чего противоположная по своим убеждениям часть персон русской диаспоры начинала опровергать нежелательный для них факт разными способами, порождая новый виток дискурса. В то же время под фактом понималось умозаключение, основанное на исторических источниках (материалы статистики, нормативно-правовые акты, эго-документы). Обилие фактов в трудах монархистов, а также левых авторов стало той базой для выработки и закрепления новых значений или утверждения прежних, таких как отсутствие / наличие кризиса накануне 1917 г., полезность / гибельность монархии, обоснованность / бессмысленность Февраля 1917 г. и т.д.

4. Причины революции 1917 г. рассматривались представителями русского зарубежья, прежде всего, через проблему обоснованности наступления коллапса в России в 1917 г., а события Первой мировой войны в трудах авторов выполняли функцию доказательной базы и подводили фундамент под их теоретические положения. Сами события Первой мировой войны подавались читателям в тесной связи с политическим режимом, действовавшим в стране. И если в исторических версиях центристов и левых авторов констатация поражений на фронте была следствием «прогнившего режима», то правые авторы стремились продемонстрировать продуманную и планомерную работу общественности по свержению монархии в стране, поскольку без войны не будет и революции.

Революционный процесс в период с марта по октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья рассматривался через призму решения проблемы двоевластия и военного вопроса. Это можно объяснить тем,

что революция разразилась в момент Первой мировой войны и разворачивалась на ее фоне, а от той конструкции власти, которая сформировалась в результате событий Февраля 1917 г. и ее последующей трансформации, во многом зависело будущее страны. Все остальные вопросы (аграрный, рабочий и др.) были, в основном, иллюстрацией при анализе проблемы двоевластия и редко рассматривались изолированно от нее. Кроме того, в работах представителей русского зарубежья при характеристике вектора революционного процесса 1917 г. большую роль играли такие параметры анализа, как проблема виновности и ответственности, проблема направленности, динамики и радикализации вектора развития революционного процесса, проблема фатализма.

5. События Февраля и Октября 1917 г. воспринимались представителями русского зарубежья в тройном измерении, что значительно расширило трактовку и понимание двух ярких моментов революционного процесса. С одной стороны, если анализировать Февраль и Октябрь с точки зрения событийного подхода, то они виделись русской эмиграцией как обычный захват власти определенной группой людей. Именно так некоторые монархисты воспринимали события Февраля, в то время как в левом крыле русского зарубежья такой взгляд господствовал лишь по отношению к Октябрю. Если два ярких момента революционного процесса рассматривались русской эмиграцией под таким углом зрения, то здесь на первый план выходили политические партии и их вожди, подготавливавшие и осуществлявшие государственный переворот, и захват власти как в феврале, так и в октябре 1917 г.

С другой стороны, яркие моменты революционного процесса 1917 г. воспринимались представителями русской эмиграции (независимо от их принадлежности к политическому течению) как реализация определенных программ и доктрин, воплотившихся в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Рассмотрение двух ярких моментов революции 1917 года с этих позиций значительно расширило хронологические рамки революционного процесса: Февраль «разомкнулся» до Октября, а то и вовсе поглотил последний, в то время как Октябрь расширился до

20-х, а у некоторых и до 30-х годов XX столетия. Такой подход рассматривал революционный процесс через призму деятельности представителей, входивших в разные институты власти (Государственная дума, Временное правительство, Советы).

Конечный результат, как еще один параметр сравнения двух главных событий революционного процесса, позволял сделать акцент на утопичности политических замыслов, которые нашли свое воплощение не только в лозунгах и партийных программах, но и в деятельности субъектов революционного процесса, допустивших события Февраля и Октября 1917 г. в стране.

6. Революция 1917 года мыслилась представителями русского зарубежья как многофакторный процесс. Этому способствовала пестрота социально-профессиональной структуры адресантов и их количество, сложная атмосфера, в которой создавались труды, уровень развития дискурса. Рассмотрение причин революции 1917 г. через проблему обоснованности, а также выстраивание нарратива по линии борьбы власти и общества сильно расширило нижнюю границу революционного процесса. Широта верхней границы во многом объясняется сложностью самих исторических событий, произошедших в стране, нарративными моделями и этапом развития дискурса. Широкие и подвижные хронологические рамки можно толковать и особенностью восприятия русской диаспорой Февраля и Октября 1917 г.: отождествление революционных событий со «смутой», «переломом», «революцией», в свою очередь, свидетельствует о глубинных и масштабных сдвигах, произошедших в России, вместить которые однозначно в жесткие хронологические и терминологические рамки оказалось невозможным. Исходя из вышесказанного, авторы утверждали, что в стране произошло качественно новое явление, которое было определено современниками как «революция», не обязательно ограничивающееся рамками 1917 г., наполнив этот термин различным содержанием.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно проводилось в методологии дискурс-анализа, что дало возможность впервые показать формирование и трансформацию образа революционных событий 1917

г. в тесной связи с модификацией исторического дискурса на примере трудов авторов русского зарубежья межвоенного периода. Выявлены основные этапы исторического дискурса русского зарубежья с определением их хронологических рамок и сущностных характеристик, четко обозначены и обоснованы границы каждого из этапов дискурса.

Кроме того, были определены основные компоненты конструирования прошлого, которые менялись в зависимости от трансформации дискурса, что позволило выявить специфику исторического дискурса в целом и его основных этапов в частности. Исторические события 1917 г. показаны во взаимосвязи с предшествующими событиями, что дало возможность наглядно показать вектор развития не только революционного процесса 1917 года, но и отечественной истории, а также четче обозначить и раскрыть проблемные поля дискурса, выделить микротемы внутри дискурса, проследить их эволюцию по мере развития исторического дискурса.

Впервые было уделено проблеме восприятия и соотношения Февраля и Октября 1917 г. представителями русской эмиграции разной идейно-политической направленности и профессиональной среды в общем ходе развития, как революционного процесса 1917 г., так и отечественной истории. На материале эмигрантского наследия межвоенного периода с привлечением исторических источников, в том числе и тех, которые еще не были или были слабо введены в научный оборот, была показана неоднозначность содержания самого революционного процесса, и подвижность его хронологических рамок, а также таких его существенных моментов, как Февраль и Октябрь 1917 г.

Теоретическая значимость исследования революционного процесса 1917 года заключается в определенном методологическом подходе, что позволяет применить данную модель анализа историографических источников к конструированию сложных и многофакторных исторических процессов, расширяя представления об объекте и предмете исследования. Деконструкция текста дает возможность выявлять и работать с такими элементами дискурса, как дефиниции, значения, микротемы, определять их долю и соотношение по мере

развития дискурса, проследить их трансформацию внутри самого дискурса. Это, в свою очередь, позволяет выявить механизм создания интеллектуальных моделей прошлого, а также увидеть новые грани и взаимосвязи между компонентами изучаемого предмета исследования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его выводы и материалы в учебных курсах и спецкурсах по историографии, истории России, политической истории, историко-культурному и научному наследию русского зарубежья, а также для разработки учебных пособий и авторских курсов по вышеуказанным дисциплинам и направлениям.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на кафедре отечественной истории Омского государственного педагогического университета и представлены в докладах автора на научных конференциях: «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы» (Москва, РГГУ, 6 марта 2013 г.), «Россия на пересечении пространств и эпох...» (Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г.). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 5 публикациях, 4 из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, ставится проблема исследования, показывается степень изученности темы, формулируются цель и задачи работы, обозначаются хронологические рамки, обосновывается теоретико-методологическая и источниковая база исследования, прописывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации **«Причины революции 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья»** рассматриваются взгляды русской диаспоры на источник коллапса 1917 г. в Российской империи.

В §1.1. и §1.2. *«Проблема обоснованности революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции...»* была определена ключевая проблема, через призму которой представители русского зарубежья анализировали причины революции 1917 г. (проблема ее обоснованности), а также выявлен тот ракурс, под которым подавались читателям те или иные значения – борьба между властью и обществом. Был показан процесс расширения дискурса, определены те сообщества, которые постепенно входили в дискурс, наполняя его новыми смыслами. Процесс трансформации дискурса шел по разным направлениям. Так, по мере развития дискурса осуществился переход от констатации противоречий, сложившихся в общем ходе развития отечественной истории, к установлению причинно-следственных связей между коллапсом 1917 г. и ключевыми событиями эпохи Великих реформ, что предопределило проработку определенных микротем.

Своего рода рубежом в развитии дискурса можно считать 1927 г., когда к десятилетию революции 1917 г. вышел значительный пласт работ, который смог, с одной стороны, аккумулировать и переработать все прежние значения, а с другой стороны породил новый виток развития дискурса. В частности, в 1930-е гг. расширению дискурса способствовало создание образа Николая II, что предопределило проработку как старых микротем (министерская чехарда), так и новых (принятие императором поста верховного главнокомандующего в 1915 г.), а также включение в работы представителей русской эмиграции большего количества исторических фактов, с помощью которых в дискурсе закреплялись прежние значения или вырабатывались и утверждались новые.

В §1.3. *«События Первой мировой войны в работах представителей русского зарубежья»* было показано, что именно они стали не только тем эмпирическим материалом, доказывающим бессмысленность / обоснованность грозных событий 1917 г., поскольку события Первой мировой войны явились тем испытанием, которое выпало на долю самодержавия, но и подвели фундамент

под теоретические положения авторов русской диаспоры. Этот факт predetermined то, что исторические деяния на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны рассматривались авторами в тесной связи с политическим режимом, господствовавшим в стране. И если констатация поражений на фронте для центристов и левых авторов явилась следствием «прогнившего режима», то в исторических версиях монархистов демонстрировалась продуманная и планомерная работа общественности по свержению самодержавия в Российской империи, поскольку без войны не будет и революции.

Во второй главе **«Революционный процесс после Февраля 1917 года в историческом дискурсе русской эмиграции»** анализируются авторские версии революционного процесса в период с марта по октябрь 1917 г. через призму проблемы двоевластия (§2.1.) и решения военного вопроса (§2.2.), а также дается характеристика самого вектора развития революционного процесса (§2.3.).

В §2.1. *«Проблема двоевластия в трудах авторов русского зарубежья»* при ее анализе представителями русской эмиграции на первый план выдвигался вопрос о влиянии того или иного политического учреждения на ход исторических событий, а также были выявлены причины падения авторитета правительственной власти. Следствием этого стало то, что практически никто, кроме А.Ф. Керенского, не давал положительную оценку деятельности Временному правительству. Кадеты, решая проблему двоевластия, стремились показать борьбу между двумя институтами власти, остальные же представители русского зарубежья, как правые, так и левые, если и констатировали наличие двоевластия, то не видели между ними противоборства.

В §2.2. *«Решение военного вопроса в интерпретации русского зарубежья»* на первых порах вышла проблема виновности в разложении русской армии, которая не получила в эмигрантской среде однозначного решения. Однако можно констатировать, что у определенных сообществ русского зарубежья по мере развития исторического дискурса сформировался набор основных значений, которые транслировались из работы в работу. Как крайние правые, так и крайние левые представители русской диаспоры были склонны возлагать виновность за

разложение фронта на активных участников революционного процесса 1917 г., входивших в те или иные институты власти. И если для монархистов подобное было продиктовано тем отторжением, которые вызывали у них все те субъекты революционного процесса, кто был причастен к свержению монархии в России, то крайние левые стремились подчеркнуть классовую природу членов Временного правительства, чья политическая линия шла вразрез с требованиями народных масс. Свой набор значений был выявлен и у представителей, относящихся к военным кругам: отрицательное воздействие на армию как приказа №1, так и деятельности большевиков или Совета рабочих и солдатских депутатов (в зависимости от авторской концепции); слабость правительственной власти и подлость А.Ф. Керенского, чистота намерений генерала Л.Г. Корнилова. Кроме того, была показана эволюция дискурса в решении военного вопроса и определены компоненты, способствующие расширению дискурса путем его детализации (включение в исторический нарратив более мелких исторических событий, примеров, анализ исторических источников, ставящих себе цель закрепить / опровергнуть определенные значения).

В §2.3. *«Характеристика вектора революционного процесса 1917 г. в трудах представителей русской эмиграции»* были определены и показаны, через какие основные взаимосвязанные проблемные поля проводился анализ вектора революционного процесса в русской диаспоре. На первом этапе дискурса вышла проблема виновности за то, что революционный процесс поменял свое направление. Единства по этому вопросу в эмигрантской среде не наблюдалось, поскольку доля вины была возложена на различные сообщества, институты власти, конкретных лиц. Продолжением анализа этого вопроса стала проблема развития вектора революционного процесса, его направленности, динамики и радикализации, что, в свою очередь, порождало проблему определения верхней границы революционного процесса, которая оказалась размытой, и выходила далеко за 1917 год.

В третьей главе диссертации **«Февраль и Октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья»** рассматриваются взгляды представителей

русского зарубежья на два ярких момента революционного процесса с точки зрения событийной истории, показывается соотношение Февраля и Октября 1917 г. в общем ходе развития революционного процесса, а также выявляются особенности восприятия русской эмиграцией 1917 года в целом.

В §3.1. «*Февраль 1917 г. глазами русской эмиграции*» и в §3.2. «*Октябрь 1917 г. глазами русской эмиграции*» показан процесс трансформации двух наиболее ярких моментов революционного процесса 1917 г. по мере развития дискурса. Так, при выстраивании исторических моделей, повествующих о событиях Февраля 1917 г., авторы затронули такую проблему, как специфика его протекания, ставящая во главу угла вопрос о руководящей роли членов Государственной думы (у центристов), и влиянии народных масс (у представителей левого крыла русской эмиграции) на ход революционного процесса в феврале 1917 г.

На рубеже 20-30-х гг. XX века вышли в свет труды, репрезентирующие стихийность Февраля 1917 г., что поставило под сомнение руководящую роль различных политических сил и институтов власти, предопределив одну из характерных черт дискурса 1930-х гг.: помимо споров о продовольственном вопросе, представители русского зарубежья стремились продемонстрировать отсутствие единого центра, координирующего массы. Другой особенностью дискурса 1930-х гг. стало то, что благодаря работам правого крыла русского зарубежья, Февраль 1917 г. приобрел вторую пространственно-временную плоскость. Если раньше действие Февраля 1917 г. разворачивалось, преимущественно, в Петрограде и лишь изредка в Ставке и в Пскове, то теперь, помимо Петрограда, эти места начали активно фигурировать в трудах русской эмиграции, а личность Николая II стала той осью, вокруг которой монархисты стали группировать факты.

Повествуя о событиях Октября 1917 г. на этапе зарождения дискурса, в центре внимания авторов находилась проблема виновности за то, что большевики сумели взять власть в свои руки, которая возлагалась на конкретную персону, круг лиц или политический институт. Большевики же изображались грозной

силой, а их власть казалась предначертанной. Однако дальнейшее развитие дискурса шло по линии снижения монументальности и масштабности событий Октября 1917 г. Это достигалось за счет того, что работы левых авторов подвергли сомнению чрезмерное влияние большевиков на ход октябрьских событий, сместив акцент с социал-демократической партии на народ, выступающий в роли основной движущей силы Октября 1917 г. В тоже время, благодаря работам других представителей русского зарубежья, вышедших в 1930-е гг., разными способами закреплялся многофакторный, стихийный и непредсказуемый характер октябрьских событий 1917 г., что также ставило под сомнение организационную роль большевиков в Октябре 1917 г.

В §3.3. «1917 год в восприятии русского зарубежья» были определены те дефиниции, с помощью которых мыслился революционный процесс представителями русской эмиграции («смута», «захват», «переворот», «революция»), что, в свою очередь, отразилось на отборе исторических фактов, а также способе их компоновки и подачи в авторских версиях. Анализ соотнесения событий Февраля и Октября 1917 г. в общем ходе развития революционного процесса демонстрировал, что они воспринимались русской диаспорой с нескольких сторон. Одна из них показывала события, как обычный захват власти определенной группой лиц. С другой стороны, они репрезентировались, как реализация определенных программ и доктрин, нашедших отражение в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Еще один параметр сравнения – это конечный результат, к которому привели революционные деяния. Всё это способствовало расширению и подвижности хронологических рамок не только революционного процесса, но и двух ярких его моментов.

В **заключении** собираются и систематизируются воедино все предшествующие выводы исследования. Революция 1917 г. в трудах авторов русского зарубежья межвоенного периода времени существовала в форме дискурса, т.е. своеобразного способа коммуникации, в ходе которого создаются и закрепляются различные значения, формируя определенную модель прошлого.

Сам исторический дискурс складывался и развивался через борьбу различных значений: каждая новая работа была своего рода ответной реакцией на предыдущую, что способствовало усложнению дискурса. С другой стороны, борьба значений не давала возможности некоторым авторам закрепить в дискурсе определенные суждения и умозаключения (голод у В.М. Чернова, как повод Февраля 1917 г.; борьба Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов в период двоевластия у П.Н. Милюкова и др.).

Диссертационное исследование продемонстрировало, что сам исторический дискурс складывался и развивался под воздействием различных факторов. Своеобразие определенных моделей прошлого определялось не только политическими воззрениями или идейными течениями, к которым относился представитель русского зарубежья, но и сословным происхождением или профессиональной средой, эмигрантским центром, в котором жил и работал автор, а также определенным этапом развития дискурса, т.е. временем написания труда.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Платонов Д.С. Февраль 1917 года в представлениях русской эмиграции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2013. – № 42. – С. 363-371. (0,5 п.л.)
2. Платонов Д.С. Февральская революция 1917 г. как один из этапов крушения династии Романовых. Взгляд из Русского Зарубежья // Вестник архивиста. – 2013. – № 4. – С. 83-93. (0,5 п.л.)
3. Платонов Д.С. Русская армия накануне Февральской революции 1917 г. в оценке историков Русского Зарубежья // Вопросы истории. – 2014. – № 10. – С. 161-166. (0,5 п.л.)
4. Платонов Д.С. Февраль и Октябрь 1917 г. в пространстве политической истории русского зарубежья // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2015. – № 1. – С. 126-133. (0,4 п.л.)

Публикации в других изданиях:

5. Платонов Д.С. Кризис правосознания как одна из причин второй русской революции: (на материале работ И.А. Ильина эмигрантского периода) // Россия на пересечении пространств и эпох: Материалы Второй международной междисциплинарной научной конференции молодых ученых, Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г. / отв. ред. А.П. Логунов. – М.: USSR: Ленанд, 2013. – С. 108-114. (0,4 п.л.)